

другого в щедрости. А дело обстояло совсем иначе: подаренное впервые добровольно он записывал, чтобы впредь требовать не меньшего постоянно и без всякого повода, для чего им этот список и велся. И приказал наместник своим челядинцам и кнехтам рыскать по округе и требовать с каждого согласно списку. Но вот однажды он заболел – и заболел болезнью богатых людей, хотя она, случается, не щадит и бедных, – он заболел подагрой, и не мог больше сделать ни шагу, и возлег на ложе в зале, и развели перед ним огонь в камине, как принято в странах, где не кладут печей.

И был у него шут, большой забавник и выдумщик, изрядно потешавший своего господина. И однажды, когда никого не оказалось поблизости, огонь же пылал всюду, принялся шут играть с огнем, подкладывать солому и хворост и в конце концов поджег хозяйское ложе. Наместник закричал дурным голосом и начал увещевать шута: «Дурак, погаси огонь! Или ты хочешь сжечь меня живьем?» А дурак заупрямился и ответил: «Не погашу». – «Да почему ж не погасишь?» И шут ответил: «Потому что, коли я его сейчас погашу, ты возьмешь это за правило, и завтра мне придется опять гасить его, и послезавтра тоже. Так ведь и говорят твои несчастные подданные: единожды дав тебе, даешь затем опять и опять». Пламя охватило между тем все ложе, и наместник сгорел живьем. Ибо за каждый грех будет нам воздаяние (Книга премудростей, 11). Господь избрал шута орудием отмщенья, не зря же рек Сенека в послании святому Павлу, что Бог говорит порой и устами дурака. Так было и тут, шут обличил господина в дурном пристрастии, что обрекло его пламени земному и пламени вечному.

16

Жил некогда один дворянин, держал он сокола для охоты и не мог на него нарадоваться. В дружеской компании за столом расписывал он без устали достоинства

замечательной птицы. Но однажды, когда ему случилось быть в отъезде, шут схватил сокола, изжарил и съел. И когда хозяин вернулся, еще и попрекнул его: «Эдак ты меня обманул! Ты говорил, что эта птица на диво хороша, а я изжарил ее и съел – и все-то она не хороша, мясо жесткое и т. п.». Что означает: истинные лакомки до диковин.

17

Пригласил один дворянин на обед своего духовного отца, состоявшего в монашеском ордене. Сели они за стол и вкусили яств, дворянин, и жена его, и оба сына, и обе дочери. Тут подали жаркое из дичи – не то рябчика, не то каплуна или нечто в таком же роде. Хозяин положил каплуна на тарелку перед священником и попросил разделить его на всех. Священник отодвинул тарелку, промолвив: «Я этого не умею. Да и откуда мне было научиться разделять дичь?» Хозяин же вновь придвинул к нему тарелку и попросил разделить птицу по своему разумению. Монах ответил на это: «Если уж я должен его разделить на всех, то разделю его так, как заповедано в Священном писании». Жена хозяина поддакнула: «Так-то, святой отец, разделите, как заповедано в Писании». Монах отрезал каплуна голову и положил на тарелку хозяина. Затем отрезал шею и положил на тарелку хозяйке. Отрезал крылышки и положил перед барышнями. Отрезал ножки и положил перед хозяйскими сыновьями. А все, что осталось, съел сам и ни с кем не поделился. Когда с каплуном было покончено, хозяин спросил: «Отец исповедник, где написано, что каплуна надо делить именно так?» Монах же ответил: «Так, сын мой, написано у меня в мозгу. Вы в своем доме глава, и поэтому вам досталась голова птицы. Милостивая государыня ближайший к вам человек и получила поэтому ближайшую к голове часть, сиречь шею. Барышням же подобают крылышки, потому что они постоянно парят то в мечтах, то в тревогах о будущем муже: что это окажется за человек да что за приданое за ними дадут, – поэтому крылышки им в самый раз. Юношам же достались ножки, потому что на них, то бишь на юношах, стоит весь ваш род, как на ножках стоит каплун. Потому-то им и достались ножки. Ну а то, что осталось, это уже не птица, а так, не пойми что – без головы, без шеи, без крылышек и без ножек. А у монаха капюшон, как клюв, сзади на туловище, потому-то мне и досталось туловище».

18

Рыцарь взял в плен сына одного достопочтенного горожанина, привез его в замок и заточил в башне. Протомившись некоторое время в заточении, молодой человек попросил о свидании с рыцарем, передав, что имеет сообщить ему нечто важное. Рыцарь проведал пленника, и тот начал: «Милостивый господин, я томлюсь в башне, от чего ни мне, ни вам нет никакого прока, а родные мои все не шлют сто гульденов причитающегося за меня выкупа. Будьте милосердны, отпустите меня домой, а через два месяца я ворочусь и привезу деньги как добрый христианин». Хозяин спросил: «А кто поручится за тебя?» – «Нет у меня никого и ничего, – ответил пленник, – но я